
Макс Вебер о рациональных основаниях диалога науки и политики*

© 2019 г. Л.А. Тухватулина

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: spero-meliora@bk.ru

Поступила 12.05.2019

В статье рассматривается позиция М. Вебера по проблеме взаимодействия науки и политики. Автор реконструирует основные аргументы немецкого социолога в поддержку идеи о необходимой «аполитичности» науки. Аргументы в пользу такой позиции здесь основываются на двух главных допущениях – о непримиримости «битвы богов» (принципиальной невозможности разрешения ценностно-мировоззренческих разногласий логическими доводами) и о недопустимости «политизации» науки и университетского преподавания. Кроме того, устанавливается взаимосвязь между веберовскими идеями об автономии науки и «расколдовании мира». Автор полагает, что в условиях все еще не «расколдованного» мира полная автономия науки не представляется возможной. В этой связи особым образом рассматривается феномен экспертного знания в социальных науках (на примере «права и экономики»). Утверждается, что такого рода знание невозможно без взаимосвязи науки и политики. И тем не менее автор стремится показать, что при правильном понимании сути экспертизы, эта форма знания также удовлетворяет веберовскому критерию научного знания. Автор считает, что признание экспертного знания научным возможно при условии разведения собственно научного и социально-политического компонентов экспертизы. Такого рода разведение является особенно значимым в целях снижения этической нагрузки на экспертизу. Автор делает вывод, что некоторые идеи, представленные в докладе «Наука как призвание и профессия», позволяют утверждать, что Вебер считал бы экспертизу допустимой формой взаимодействия социальной науки и политики.

Ключевые слова: Вебер, наука, политика, экспертиза, расколдование мира.

DOI: 10.31857/S004287440005723-0

Цитирование: *Тухватулина Л.А.* Макс Вебер о рациональных основаниях диалога науки и политики // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 38–42.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-311-00282 «Рациональность в гуманитарных науках: теоретические противоречия и дисциплинарная практика».

Max Weber on the Rational Foundations of Science-Politics Communication*

© 2019 г. Liana A. Tukhvatulina

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str.,
Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: spero-meliora@bk.ru

Received 12.06.2019

Reflecting on science as a “vocation”, M. Weber places the strongest emphasis on the problems of ethics of a scientist and the tasks of science, primarily in terms of its “vocation” – that is, “benefits” for society. In this context, the widely known statements about the nature of scientific knowledge, its features and “boundaries” acquire not only and not so much epistemological, as much ethical and even social and philosophical sound. The main argument of Weber is that science is fundamentally incapable of answering questions about the “meaning” of the world and human life, as well as indicating to a person a reliable “path to happiness.” The author notes that the most powerful emphasis in the report, Weber made on the problems of ethics of the scientist and the tasks of science, primarily in terms of its “vocation” – that is, “benefits” for society. The main thought of Weber is that science is in principle incapable of answering questions about the “meaning” of the world and human life and to indicate to a person a reliable “path to happiness.” Hence, a deliberately untenable attempt is announced from scientific positions to prove (or, on the contrary, to challenge) the correctness of the choice of the “last values” that determine the direction of all human aspirations. The article shows that task of the scientific community is to contribute in every way to the assertion in the minds of people acting in the sphere of practical politics, the principles of “ethics of responsibility”, and not “ethics of belief”.

Key words: Weber, science, politics, expertise, disenchantment of the world.

DOI: 10.31857/S004287440005723-0

Citation: Tukhvatulina, Liana A. (2019) ‘Max Weber on the Rational Foundations of Science-Politics Communication’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2019), pp. 38–42.

В докладе «Наука как призвание и профессия» Вебер последовательно обосновывает тезис о недопустимости участия ученого или преподавателя в дискуссиях о ценностях в своем профессиональном качестве. Он восходит к общей методологической установке «понимающей социологии» об исторически данной вариативности культурных форм и, как следствие, о невозможности единого критерия оценки элементов этого многообразия. Именно поэтому всякая попытка ученых занять метапозицию в ценностно-мировоззренческих дискуссиях объявляется недопустимой, поскольку выходит за пределы применимости научного метода. Справедливости ради, стоит отметить, что Вебер вовсе не призывает ученого полностью нейтрализовать в себе

* The article is written with support of Russian Foundation for Basic Research, project №18-311-00282 “Rationality in the Humanities: theoretical controversies and disciplinary practice”.

гражданина. Речь здесь, скорее, идет об интеллектуальной честности — недопустимости навязывания аудитории определенных взглядов и оценок *ex cathedra*. Или шире — о запрете на использование символического капитала науки для лоббирования частных политических интересов. В этом отношении с позицией Вебера трудно спорить.

Однако в контексте современных реалий более уязвимым оказывается то положение, что взаимодействие науки и политики должно быть предельно ограниченным, поскольку оно всегда чревато использованием научного знания как средства политической легитимации. Такого рода соображение исключает заинтересованность самой науки в диалоге с властью. С точки зрения Вебера, отсутствие такого интереса проистекает из отсутствия нужды в обосновании социальной значимости научного поиска. Ценностным императивом в науке является приобретение знания, которое значимо уже потому, что такое «достойно быть познанным» (*being worth knowing*) [Weber 1989, 18]. Как следствие, общественная миссия ученого должна быть сведена к выполнению им своего профессионального долга — к поиску решений собственно научных проблем. А значит, общество должно признать самоценность научного поиска и гарантировать научному сообществу изрядную автономию. Нельзя не отметить, что такого рода признание требует колоссального доверия к ученым, однако именно доверие и является минимальным условием развития науки. Так, Вебер, скорее всего, счел бы абсурдной идею формирования «государственного задания» для научного сообщества, которое задает ценностные и целевые приоритеты деятельности ученых. Такой «заказ» может быть истолкован как свидетельство тотального недоверия государства к науке, поскольку он подрывает ее автономию и, по сути, указывает на «политизацию» научной сферы.

Тем не менее достаточно очевидно, что желаемая автономия остается недостижимым идеалом отнюдь не только из-за угрозы прямого подчинения науки интересам государства. Сама идея автономии науки в концепции Вебера тесно связана с тезисом о «расколдовании мира» — о поступательной рационализации всех областей человеческой деятельности и, как следствие, нарастающей рациональности индивидов. Неслучайно Вебер поясняет, что «расколдование мира» сопровождается расширением специализации труда, а также реорганизацией социальных институтов сообразно строгим принципам формальной рациональности. Эти принципы призваны обеспечивать внутреннюю самодостаточность отдельных социальных институтов, выражать меру их способности к «сугубо техническому» самосовершенствованию. Именно благодаря торжеству принципов формальной рациональности «расколдованный мир» — это мир структурной автономии и функционального автоматизма. И, как следствие, это мир, где не нужен арбитр в «битве богов», поскольку и сама битва в ходе всеобщей рационализации утратила былую остроту.

Поскольку приходится признать, что процесс «расколдования мира» все еще далек от завершения, сегодня наука не может довольствоваться полной автономией. Напротив, современное общество, которое совмещает характеристики «общества знания» (Р. Грундманн) и «общества риска» (У. Бек), остро нуждается в том, чтобы ученые не запирались в «башне из слоновой кости», а обеспечивали научное консультирование по многим дискуссионным вопросам. Одним из ответов на этот запрос является развитие экспертного знания. Современные исследователи сходятся во мнении, что экспертное знание ориентировано на интересы заказчика, которым может выступать государство или крупные компании. По существу, целью экспертизы оказывается выработка альтернатив возможных политических решений [Grundmann 2017]. Роль эксперта сводится к прояснению последствий тех или иных решений, а также к превращению научного знания в форму, пригодную для их принятия. При этом «...потребителей научного знания, в отличие от его производителей, не интересует свойственный этому знанию элемент неопределенности» [Collins, Evans 2002, 240]. Более того, «решения, затрагивающие публичные интересы, должны быть приняты в строго установленное заказчиком время. А значит, это должно произойти еще до того, как осядет пыль от научных дискуссий, поскольку динамика политической повестки значительно выше скорости достижения научного консенсуса» [Collins, Evans 2002, 241].

Таким образом, неизбежно рецептурная форма и отнесенность к социально-политическому контексту (в некотором роде, конъюнктурность) порой создают серьезные поводы для критики экспертного знания. Особенно очевидна опасность такого рода осложнений в социальных науках, наиболее близких самому Макс Веберу. В последней трети XX века здесь зародилось междисциплинарное направление «право и экономика», в рамках которого была сформулирована программа экономического анализа права. Необходимость такого рода анализа обосновывалась, в частности, тем, что учет принципов экономической целесообразности в праве будет способствовать повышению эффективности правоприменения. Нельзя не отметить, что эта программа вызвала серьезные споры среди методологов, прослеживающих в экономической науке тенденцию к дисциплинарной экспансии. По мере развития дискуссии участники объединились в два лагеря, где одни обосновывают возможность «методологического экуменизма», а другие пытаются противостоять «методологическому империализму». И тем не менее, вопреки неутрачившимся дебатам, «право и экономика» на сегодняшний день достигло той фазы институционализации, когда оно активно претендует на участие в социальном реформировании и выступает с претензией на научно обоснованную критику политико-правовых решений. Любопытно, что предлагаемый подход оказывается применимым к широчайшему кругу проблем — от урегулирования частных гражданско-правовых споров до оптимизации мер в области экологической и демографической политики. Обширная повестка экономического анализа права затрагивает также ряд проблем, которые имеют острое политическое звучание. Экспертные заключения по резонансным вопросам всякий раз сталкиваются с доводами традиционалистов всех мастей, уличающих экономистов в «бездуховности» и «поклонении мамоне». Обличительная риторика ярых оппонентов парализует плодотворное обсуждение проблемы. Однако это обстоятельство позволяет сформулировать вопрос, значимый для понимания сути экспертного знания: должны ли результаты научной экспертизы по социально значимым вопросам ориентироваться на господствующие настроения в обществе? Или же задачей экспертов должна быть выработка максимально «чистого», ценностно-нейтрального знания, основанного исключительно на научных аргументах? А главное, возможно ли такое знание?

Как представляется, обращение к докладу М. Вебера поможет несколько прояснить эту проблему. Заметим, что в свете сказанного выше о сформулированной им установке на «аполитичность» науки, попытка найти в докладе ответы на вопросы об обосновании экспертизы может показаться несколько странной. Известно, что принцип «свободы от оценки» Вебер распространял на социальные науки в той же мере, что и на естественные. Так, например, правовед, согласно Веберу, не может формулировать научные суждения о тех целях права, которые выбрало общество — он может оценить лишь то, насколько достижению поставленных целей способствуют существующие правовые нормы. Однако в докладе «Наука как призвание и профессия» М. Вебер формулирует важное положение, которое может быть использовано для обоснования экспертизы как собственно научного феномена. Он пишет, что «...мы (ученые — Л.Т.) можем, если мы правильно понимаем свое дело [...], заставить индивида — или по крайней мере помочь ему — дать себе отчет в конечном смысле собственной деятельности» [Вебер 1990, 730]. Отсюда, «...наука есть профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самопознания и познания фактических связей» [Вебер 1990, 731].

Даже если согласиться с Вебером в том, что наука не должна пытаться оценивать те цели, которые ставит индивид или общество, но способна лишь оценить средства, необходимые для их реализации, возникает вопрос о путях достижения желаемого результата. В этой связи существенно, что экспертное знание необходимо по возможности очистить от избыточной этической нагрузки, чтобы поиск решения не затруднялся постоянно возобновляемыми спорами о природе блага. Такой поиск предполагает четкое разведение собственно научного (целерационального) и социально-политического (ценностно-рационального) контекста экспертизы. Если за первый отвечают ученые-эксперты, то обсуждение ценностных приоритетов может быть

организовано посредством механизмов делиберативной демократии. Помимо прочего, это разведение также может препятствовать превращению научной экспертизы в средство легитимации политических решений. Научная экспертиза сможет служить принятию тех решений и обоснованию выбора тех средств, которые необходимы для получения желаемых результатов. На долю ценностной экспертизы останется формулирование аргументов относительно этической значимости предлагаемых путей решения проблемы. Таким образом, правильное понимание сути научной экспертизы по вопросам, вызывающим особый общественный резонанс, снимает проблему участия ученых в «битве богов» и вместе с тем не приводит к самоизоляции науки. По-видимому, такого рода компромисс был бы оптимальным для современного общества, которое остро нуждается в экспертном знании, однако никак не в меньшей степени дорожит принципами ценностного плюрализма.

Источники – Primary Sources in Russian Translation and English

Вебер 1990 – Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 707–735 [Weber, Max *Wissenschaft als Beruf* (Russian translation)].

Weber, Max (1989) 'Science as a Vocation', Max Weber's 'Science as a Vocation', ed. by P. Lassman & I. Velody, Unwin Hyman, London, Pp. 3–32.

References

Collins, Harry, Evans, Robert (2002) The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience, *Social Studies of Science*, 32, 2, pp. 235–296.

Grundmann, Reiner (2017) The Problem of Expertise in Knowledge Societies, *Minerva*, 55, 1, pp. 25–48.

Сведения об авторе

ТУХВАТУЛИНА Лиана Анваровна –
Кандидат философских наук, научный
сотрудник сектора социальной эпистемологии
Института философии РАН.

Author's information

TUKHVATULINA Liana A. –
CSc in Philosophy, Research Fellow at the
Department of Social Epistemology, Institute
of Philosophy, Russian Academy of Sciences.